

Ревко-Линардато Павел Сергеевич

ВИЗАНТИЙСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ И АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В статье рассматривается связь рационалистического направления в византийской философии X-XII веков и античной философии. Развитие рационализма в Византии было в значительной степени обусловлено новым этапом осмысления античного наследия. Михаил Пселл, Иоанн Итал и их последователи, стремясь сочетать веру с разумом, опирались на труды античных философов. Представители рационализма были осуждены Церковью, отвергшей идею о новом синтезе между античной философией и христианством. Однако деятельность рационалистов подготовила основу для появления в Византии гуманистических представлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 155-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

В статье рассматривается связь рационалистического направления в византийской философии X-XII веков и античной философии. Развитие рационализма в Византии было в значительной степени обусловлено новым этапом осмысления античного наследия. Михаил Пселл, Иоанн Итал и их последователи, стремясь сочетать веру с разумом, опирались на труды античных философов. Представители рационализма были осуждены Церковью, отвергнувшей идею о новом синтезе между античной философией и христианством. Однако деятельность рационалистов подготовила основу для появления в Византии гуманистических представлений.

Ключевые слова и фразы: византийский рационализм; Михаил Пселл; Иоанн Итал; античная философия; Аристотель; Платон.

Ревко-Линардато Павел Сергеевич, к. филос. н.

Южный федеральный университет, г. Таганрог

pareli@mail.ru

ВИЗАНТИЙСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ И АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ[©]

Становление рационалистических идей в византийской философии в XI веке связано с творческой деятельностью Михаила Пселла и Иоанна Итала.

Михаил Пселл – философ, богослов, историк и политик, является одной из самых ярких фигур византийской истории. Он оказывал заметное влияние на Константина IX Мономаха, при Константине X являлся воспитателем наследника престола (Михаила VII), для которого создал несколько учебников. В 1045 г. Пселл стал руководителем философской школы в Константинополе.

Многочисленные произведения Пселла чрезвычайно разнообразны и демонстрируют энциклопедические знания их автора. Часть сочинений Пселла до сих пор еще не изданы и потому не вошли в научный оборот. Ему принадлежат трактаты по философии, истории, теологии, праву, математике, естествознанию, медицине, музыке, грамматике, риторике. Интересны труды Пселла по англологии, в которых он использовал свои обширные научные знания в различных областях: космологии, математике, философии. Основываясь на сочинении «О действиях демонов», С. Зеврос рассматривал англологию Михаила Пселла как смесь язычества, народных верований и неоплатонизма, что давало основания считать Пселла философом, воскресившим чуждые христианству неоплатонические идеи [24]. Однако А. В. Ларионов показал, что трактат «О действиях демонов» не был написан Пселлом. Он считает, что богословские идеи Пселла укоренены в святоотеческой традиции, при этом его англологические взгляды «представляют яркий пример богословской мысли Византии XI века, характеризующейся стремлением максимально рационализировать истины христианства и изложить их на языке науки и философии своего времени» [9, с. 10].

Утверждая, что каждое явление имеет свою естественную причину, Пселл с рационалистических позиций критиковал веру в чудеса, астрологию, демонологию. По мнению Пселла, Бог является творцом природы, но природа подчинена внутренним закономерностям. Это означает невозможность противостоительных явлений. В понимание природы Пселлом были введены элементы диалектики: ничего постоянного и неподвижного в мире нет, время постоянно приносит с собой изменения, все движется и изменяется [3; 4; 10]. Рационалистические взгляды на исторический процесс развивались Пселлом в «Хронографии» – важнейшем источнике по истории Византии. Произведение представляет собой политические мемуары, в которых особое внимание уделяется эгоистическим интересам лиц (или групп лиц), определяющих ход истории. Пселл осуждает деспотизм, который приводит самого деспота к нравственному и физическому упадку.

В сочинении «Синописис», посвященном логике Аристотеля, приводится знаменитый «Логический квадрат»; для обозначения качественно-количественной характеристики суждений введены буквенные символы; используются специальные слова для определения модусов силлогизмов. К. Прантль показал, что получивший широкое распространение в Западной Европе трактат «Суммулы» Петра Испанского является латинским переводом «Синописиса» [21, S. 133]. (Надо признать, что позже М. Грабманн усомнился в первенстве Пселла и предположил, что, наоборот, «Синописис» – это перевод произведения Петра Испанского [17, S. 124-128]).

Изучив парафраз сочинения Аристотеля «Об истолковании», К. Иеродиакону обратила внимание на оценку Пселлом античного философского материала и формирование его собственных взглядов. Она показала, что Пселл не только содействовал распространению в Византии знаний об аристотелевской логике, но также высказывал собственные идеи, которые явились попыткой примирить античную философию с официальным христианством [19].

Несмотря на интерес к аристотелевской логике, Пселл продолжил тенденцию перевода акцента с аристотелевской традиции на платоновскую. Он способствовал переходу византийской мысли к ориентации на Платона ранней патристики, подготовив тем самым дальнейший подъем платонизма. Сам Пселл претендовал на роль восстановителя учения Платона. Поэтому и в преподавательской деятельности особое внимание Пселл уделял Платону и неоплатоникам, учение которых, по его мнению, согласуется с христианством.

Творчество Пселла демонстрирует характерное для византийской мысли механическое смешение разнородных традиций. Рационализм и мистика, рецепция античности и преданность церковному учению причудливо

переплелись в его сочинениях. Философские идеи Пселла носили эклектический характер, многие его сочинения являлись компиляциями из сочинений различных античных авторов. Возможно, что лояльность Пселла к позиции официальной Церкви обусловила именно эклектичность его мысли, отсутствие какой-либо строгой сформированной концепции. Искусственное и формальное сочетание античной философии и христианства было характерной чертой его взглядов. Так, например, Пселл находит у Гомера Троицу и мир библейских ангелов и святых [22, р. 199]. Механическое заимствование античных традиций характерно и для произведений, посвященных риторике. Д. В. Джохадзе обращает внимание на то, что в сочинениях «О риторике», «О сочетании частей речи» Пселл заимствует «...важнейшие принципы античного диалога эпохи классики, он поднимает старые проблемы красноречия: о композиции и технике построения речи, отборе и расположении материала и пр. – в связи с потребностями своей эпохи. М. Пселла, как и античных риториков, интересуется красотой и приятностью стиля, подбором слов и отдельных выражений и положений. Более того, М. Пселл механически во многих случаях прилагает к христианству античную систему риторики и словоупотребления» [6, с. 42].

Тем не менее, заслуга Пселла состоит в том, что он положил начало такому отношению к античному наследию, при котором оно стало восприниматься как целостное явление, а не как сумма сведений. В отличие от своих предшественников, увлеченных античной культурой, Пселл не просто коллекционировал или переписывал древние тексты, он пытался творчески их осмыслить и использовать в собственной интеллектуальной деятельности. Пселла возмущало недостаточное, на его взгляд, освоение византийцами античного наследия: «...хотя наследовать словесные богатства должны потомки, сокровище мудрости воспринято теми, кому оно не принадлежит по праву – варварами, иноземцами, а Эллада между тем, вместе с ионийскими поселенцами, отстранилась от отцовского наследия, и оно перешло к ассирийцам, мидянам, египтянам. Все настолько переменялось, что эллины ведут себя по-варварски, а варвары – по-эллиньски» [12, с. 146].

Дальнейшее развитие рационализм Михаила Пселла получил в работах Иоанна Итала. Иоанн был родом из Южной Италии (отсюда «Итал» – то есть «Италиец»), слушал лекции Пселла в Константинополе, позже сменил его в качестве руководителя философской школы. Преподавательская работа Итала преимущественно была посвящена толкованию Аристотеля, Платона и неоплатоников.

Учение Итала сводилось к платоновским идеям о предсуществовании, переселении душ и творении мира из предвечной материи. До тех пор, пока интерес к античной философии носил некий академический характер, он не вступал в конфликт с консервативным богословием. Но Иоанн Итал рассматривал философию не только как учебную дисциплину, дающую знания о философских системах прошлого, и не только как методологический аппарат, используемый в богословии. Иоанн считал философию самостоятельной наукой, независимой от церковных догм. Философия – это «живая» реальность, поддерживаемая силой человеческого разума. Если Пселл применял методы логики преимущественно к философскому осмыслению феноменологического мира, то Итал распространил их на богословские проблемы. Его представления о разграничении сфер философии и богословия расходились с существующей традицией. С помощью философской мысли он предпринял попытку создать богословскую систему [23, ζ. 229]. Вере Итал противопоставил рассудок, считая его основным источником знания и инструментом постижения истины. Тяготение к античному рационализму спровоцировало прямой конфликт с Церковью: в 1082 г. Итал был обвинен в ереси и предан анафеме.

Одним из инициаторов осуждения философа был Алексей I Комнин. Это дает основание предположить, что осуждение Итала было обусловлено не только содержательной стороной его учения, но и политическими причинами [8; 16]. Как бы то ни было, осуждением Итала был создан прецедент, создававший труднопреодолимое препятствие для дальнейшего развития рационалистического направления в византийской мысли. Значимость процесса над Италом иллюстрирует тот факт, что впервые после 843 г. в «Синодик», читаемый ежегодно в Неделю Православия, были добавлены относящиеся к делу анафематизма. А. Ф. Лосев подчеркивал, что анафематствованы были, прежде всего, основания платонизма – учения об идеях, о творении мира из предвечной материи и о предсуществовании и переселении душ [11, с. 846]. Постановление первого Собора на Итала в 1076 г. ярко демонстрирует отрицательное отношение Церкви к античной философии [15, с. 14-18].

Конечно, и после осуждения Итала византийские интеллектуалы продолжали изучать и переписывать древних авторов, но анафема Иоанна Итала отразила позицию Византийской Церкви, официально отвергшей идею о возможности нового синтеза между античной философией и христианством.

Ученик Иоанна Итала митрополит Никеи Евстратий Никейский в 1117 г. также был обвинен в ереси. Однако позже, спустя сорок лет, он был реабилитирован и причислен к высшим церковным авторитетам. Опираясь на формальную логику, Евстратий поставил под сомнение ряд теологических доктрин. Заявляя о важности использования логики в теологии, он утверждал, что сам Иисус строил свои речи в форме Аристотелевых силлогизмов [20, р. 34]. Применив рационалистические принципы к понятию Троицы, Евстратий особо акцентировал внимание на человеческой природе Христа. Евстратий – автор комментариев к «Никомаховой этике» Аристотеля, которые в латинском переводе стали учебными пособиями по философии в университетах Западной Европы [5].

Рационалистические тенденции в византийской философии были продолжены Никифором Василяки – ярким ритором, литератором и полемистом, известным своими публичными лекциями с разъяснениями Евангелий. Взгляды Никифора были осуждены на соборах 1156 и 1157 гг. [14, с. 223-225].

Сотирих Пантевген вслед за Никифором Василяки стремился вскрыть логические противоречия в церковном учении о Христе. Он выступил с рационалистической критикой учения о том, что в жертвенном акте Голгофы Христос был одновременно жертвой, жертвоприносителем и тем, кому жертва приносится. Если один и тот же Христос приносит и принимает жертву, то он разделяется на две ипостаси, поскольку является субъектом противоположных действий. Согласно Сотириху, ипостась Сына приносит жертву ипостаси

Отца, но не его природе, которая является общей с Сыном и Духом. На соборе 1157 г. такие взгляды подверглись осуждению, и Сотирих был вынужден отречься от них.

Главный оппонент Сотириха Николай Мефонский критикует подобный «юридический» рационализм, говоря, что нельзя считать, будто ипостась, а не природа является носителем действия. Тот факт, что, как человек Христос приносит, а как Бог принимает жертву, не означает разделения Христа на две ипостаси или признания действия безыпостасных природ. Заявление Николая о том, что Сотирих учит о действиях безыпостасных природ, дало повод Ф. И. Успенскому считать, что взгляды Сотириха сформировались под влиянием платонизма [Там же]. Это мнение вполне вписывается в общую концепцию Ф. И. Успенского, согласно которой в поздней Византии богословские споры были связаны с борьбой между аристотелизмом, свойственным официальному учению Церкви, и платонизмом, предлагающим идейно-теоретические основания для еретиков. В рецензии, написанной на книгу Ф. И. Успенского, П. В. Безобразов показал, что подобная оценка философских взглядов Сотириха базируется на неверном переводе и понимании фрагмента из сочинения Николая Мефонского [2]. Говорить о четком противопоставлении аристотелизма и платонизма в византийской мысли следует достаточно осторожно. Скорее, уместно предположить, что, несмотря на наличие существенных противоречий в учениях древних философских школ, совокупность античных знаний воспринималась византийцами как некое единство.

Подтверждает такое предположение творчество Никифора Влеммида, попытавшегося механически создать стройную систему знания, как бы «не замечая» противоречий между Платоном и Аристотелем. В трактате Никифора «Сокращенная логика», основанного на трудах Платона и Аристотеля, а также Иоанна Дамаскина, анализируются функции слов и предложений, существительных и глаголов, характеризуются многие риторические фигуры [1; 7; 13].

Идеи рационалистов в Византии широкого распространения не получили. Секуляризаторская направленность рационализма обострила столкновения с церковными и государственными авторитетами. Осуждение взглядов многих представителей рационалистического направления явилось отражением утверждавшейся позиции Византийской Церкви по отношению к античной философии, ставшей значительным препятствием на пути развития рационалистических идей. Образованные люди продолжали проявлять интерес к древним авторам, но Церковь внимательно следила, чтобы влияние античной философии не выходило за рамки той модели ее взаимоотношений с христианским вероучением, которая была выработана ранее патристикой. Философская деятельность в Византии оказалась зажата Церковью, которая отвергла мысль о возможности нового синтеза между языческим эллинизмом и христианством. Когда страны Западной Европы оказались на пороге нового, более глубокого осмысления античности, в Византии Церковь наложила запрет на свободное развитие античного наследия. В Византии рационализм не смог стать ведущим направлением философской и богословской мысли. Однако рационалистическое направление сыграло важную роль в дальнейшем развитии философии, создав почву для формирования в Византии гуманистических идей.

Список литературы

1. Барвинок В. И. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911. 413 с.
2. Безобразов П. В. Рецензия на издание: Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия. Одесса, 1893 // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 134-135.
3. Безобразов П. В., Любарский Я. Н. Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. 541 с.
4. Вальденберг В. Философские взгляды Михаила Пселла // Византийский сборник. М. – Л., 1945. С. 249-255.
5. Гукова С. Н. Космографический трактат Евстратия Никейского // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 145-156.
6. Джохадзе Д. В. Античный диалог и диалектика // Философия и общество. 2012. № 2 (66). С. 23-45.
7. Жаворонков П. И. О философских взглядах Никифора Влеммида // Культура и общественная мысль. М., 1988. С. 94-99.
8. Кечакмадзе Н. Н. Из истории общественной мысли в Византии XI в. // Византийский временник. 1968. Т. 29. С. 170-176.
9. Ларионов А. В. Ангелология Михаила Пселла: автореф. дис. ... к. богословия. Сергиев Посад, 2008. 13 с.
10. Ларионов А. В. Михаил Пселл как богослов и историк Церкви // Мир Православия: сб. статей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. 6. С. 45-46.
11. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. 960 с.
12. Пселл М. Похвала Италу // Памятники византийской литературы IX-XIV вв. / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1969. С. 146-147.
13. Соколов И. И. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика византийского императора Исаака II Ангела. СПб., 2004. 248 с.
14. Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. 399 с.
15. Успенский Ф. И. Синодик на первое воскресенье Поста. Одесса, 1893. 98 с.
16. Шукин Т. А. Иоанн Итал // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. М. – СПб.: Никея; Издательство РХГА, 2009. С. 321-333.
17. Grabmann M. Mittelalterliches Geistesleben. München, 1936. Bd. 2. 649 S.
18. Ierodiakonou K. Metaphysics in the Byzantine Tradition: Eustratios of Nicaea on Universals // Quaestio. 2005. № 5. P. 67-82.
19. Ierodiakonou K. Psellos' Paraphrasis on Aristotle's *De interpretatione* // Byzantine Philosophy and Its Ancient Sources. Oxford – N. Y.: Clarendon Press, 2002. P. 157-181.
20. Joannou P. Eustrate de Nicée: Trois pièces inédites de son procès (1117) // Revue des études byzantines. 1952. Vol. 10. P. 24-34.
21. Prantl C. Geschichte der Logik im Abendlande. Leipzig, 1855. Bd. 1. 734 S.
22. Tatakis B. La philosophie byzantine. Paris: Alcan, 1949. 323 p.
23. Χρήστου Κ. Π. Ελληνική Πατρολογία. Θεζζαλονίκη: Κρομόνος, 1994. Τόμ Α. 399 ζ.
24. Zervos C. Un Philosophe néoplatonicien du XIe siècle Michel Psellos. Paris, 1920. 239 p.

THE BYZANTINE RATIONALISM AND ANCIENT PHILOSOPHY

Revko-Linardato Pavel Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Southern Federal University
pareli@mail.ru

In the article the connection of rationalistic school in the Byzantine philosophy of the X-XII centuries with ancient philosophy is considered. The development of rationalism in Byzantium was greatly conditioned by a new stage of ancient heritage understanding. Michael Psellos, John Italus and their followers aiming at combining faith with reason rested upon the works of ancient philosophers. The representatives of rationalism were condemned by Church, which rejected the idea of new synthesis between ancient philosophy and Christianity. However the activity of rationalists laid the foundation for the occurrence of humanistic ideas in Byzantine.

Key words and phrases: the Byzantine rationalism; Michael Psellos; John Italus; ancient philosophy; Aristotle; Plato.

УДК 130.2

Философские науки

В статье изучаются вопрос о необходимости теоретического осмысления проблемы цивилизованности человека и общества, рассматриваемой как многомерный и поливариантный социокультурный феномен с различными версиями и кодификациями его исторического смысла и задания, а также исходные методологические принципы такого рода исследований. Особое внимание уделяется проблеме цивилизованности русских и российского общества в целом, перманентно возникающей в средствах массовой информации за рубежом и в нашей стране.

Ключевые слова и фразы: цивилизация; столкновение цивилизаций; цивилизованность; типология; структурные компоненты; детерминации; динамика; контroversы цивилизованности; особенности западной, российской цивилизованности.

Сабиров Владимир Шакирович, д. филос. н., профессор
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
sabirov-soina@211.ru

**ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[©]**

Проблема цивилизованности человека или общества не является их внутренним делом или состоянием, но всегда имеет отношение к другим индивидам или другим сообществам. И здесь возможны два вектора рассмотрения этой темы. С одной стороны, человек, озабоченный вопросом о качестве своего внешнего и внутреннего облика, существования и поведения, стремится к определенным социокультурным эталонам, возвышающим его в собственных глазах и получающим одобрение окружающих. С другой стороны, как показывает исторический опыт человечества, восприятие и оценка человека, людей или целого социума как нецивилизованных до сих пор остается предлогом для агрессии против них, как якобы нарушителей общепризнанных норм, стандартов, принципов и устоев, дискредитации их традиций и ценностей, что в конечном итоге может закончиться физическим истреблением их носителей. К сожалению, в современной России, переживающей новый виток социокультурных и духовно-ценностных трансформаций, представляющих собою, по сути дела, цивилизационный слом одной системы представлений и ценностей и переход в принципиально другую цивилизационную парадигму, теоретически не ставится и не решается вопрос о необходимости осмысления проблемы цивилизованности человека и общества, рассматриваемой как многомерный и поливариантный социокультурный феномен с различными версиями и кодификациями его исторического смысла и задания. В свою очередь, это вновь ставит вопрос о поиске той необходимой, конструктивной формы ее рассмотрения, отвечающей всем вызовам современного непростого времени, а также исследования основополагающих структурных компонентов проблемы цивилизованности человека и общества, точек ее предметного роста и возвышения и вместе с тем выявления спорных и концептуально противоречивых ее аспектов.

Глубокие противоречия и острейшие конфликты с применением военной силы или угрозой их применения разворачиваются между Западным миром, с одной стороны, и с определенной частью исламского мира, Китаем и Россией – с другой. Эти противоборства имеют под собой не только экономическую и геополитическую подоплеку, но в явной или скрытой форме содержат цивилизационные противостояния. Столкновение цивилизаций, о котором предупреждал С. Хантингтон, стало грозной реальностью [6, с. 281-532]. Важно отметить, что эти противостояния сопровождаются агрессивными информационными воздействиями, содержанием которых является стремление представить оппонентов как варваров, аннигилирующее все их